

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Кафедра литературы

ПРИДВИНСКИЕ ЗОРИ

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2013*

УДК 821.161.3(470)

ББК 84(4Бел=Рус)6

П75

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 24.10.2013 г.

Составитель: доцент кафедры литературы ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, член Союза писателей Беларуси, член Союза писателей России **Е.В. Крикливец**

Рецензент:
заведующий кафедрой белорусской литературы ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей Беларуси *О.И. Русилко*

Придвинские зори / сост. Е.В. Крикливец. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – 46 с.
П75

«Придвинские зори» – сборник творческих работ членов студенческого научного кружка «Литературная гостиная «Строкой негромкою...», работающего с 1995 года при кафедре литературы на филологическом факультете Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Материал для сборника был подготовлен в рамках научно-исследовательской темы «Определение социальной роли, закономерностей функционирования языков, литератур, фольклора Беларуси в контексте развития европейской и мировой культуры для дальнейшего совершенствования гуманитарного образования и обогащения духовного потенциала современного общества».

Издание адресовано студентам, преподавателям-филологам, любителям и знатокам литературы. Оно может быть использовано в дальнейшей научной работе студентами филологического факультета, в учебной и воспитательной работе.

УДК 821.161.3(470)
ББК 84.(4Бел=Рус)6

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2013

**ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

*Да здравствует
факультет,
раскрывающий миру
магию слова,
на все вопросы дающий
ответ
уже столько лет
и снова!*

*С нами –
лучший шестой этаж,
не нужно
искать другого.
Да здравствует
факультет,
раскрывающий миру
магию слова!*

*Настоящим
филологам
дорогу даст в жизнь
веры и знаний основа.
Да здравствует
факультет,
раскрывающий миру
магию слова!*

*И где бы мы ни были,
нам не забыть
времени
золотого.
Да здравствует
факультет,
раскрывающий миру
магию слова!*

*Правду несущий,
дарующий свет.
Нет больше в мире такого.
Славься вовеки,
мой факультет,
раскрывающий
тайну слова!*

**Евгений Шиман,
выпускник филологического факультета**

Рождение Слова

Я знаю, как трудно рождается слово.

Когда оно истинно. И безусловно.

Р. Рождественский

Каждый из двадцати авторов нового сборника творческих работ участников литературной гостиной «Строкой негромкою...» ищет свою безусловную истину. И процесс этот, как справедливо заметил поэт, не бывает легким. Тайна художественного слова не открывается сразу: ее постигают путем ежедневной кропотливой работы. Ребята, чьи произведения составили книгу «Придвинские зори» (выпуск 2), – в самом начале этого пути, однако, они, безусловно, достойны того, чтобы быть услышанными:

Я скажу – и никто не услышит.

А кто слышит – отводит взгляд.

Слишком страшно подряд

и снова слишком просто – смиренно в ряд

разрастаются, как сады,

наши правильные ряды.

Но, наверное, кто-то слышит.

И, быть может, услышишь ты.

(Я. Пакетова)

Не случайно издание коллективных сборников стало доброй традицией на кафедре литературы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. Для многих авторов публикация в «Придвинских зорях» станет дебютной. Необходимо поддержать молодых людей в их любви к литературе, заставить поверить в свои силы, тем более, что абсолютное большинство начинающих литераторов – студенты-филологи. Ребята сами признают, что уверенность в себе – залог успеха:

Позабудь про усталость и слабость,

отпусти все обиды, что держишь.

Жизнь ещё принесёт тебе радость,

если просто в себя поверишь.

(Д. Гуцалюк)

Приятно отметить, что сборнику «Придвинские зори» (выпуск 2) присущ общий высокий уровень филологической культуры. При этом каждый автор демонстрирует творческую индивидуальность и свою мировоззренческую позицию. Так, стихи Ольги Андреевны отличаются глубоким видением человека во взаимосвязи с окружающим его миром. Начинающему поэту удалось органично переплести переживания лирической героини и пейзажную зарисовку:

За спиной говорили: «Сильная...»

Одинокая. Молчаливая.

Перекрестки, дороги пыльные
окаймляю густой крапивой я.

Заплетают мне косы черные
вместо гребня ветра попутные.

Подорожник и травы сорные

провожают кивками смутными.

(О. Андреевны)

Для Я. Богатыревой, В. Масленникова, А. Печеньковой, О. Пугачевой поэзия становится своего рода дневником, позволяющим передать самые интимные движения души:

Тяжело мне тебя любить,
но любовь для меня отрада.
Я пытаюсь твой взгляд уловить,
когда просто проходишь рядом.

(Я. Богатырева)

Стихотворения Ю. Золотой, В. Зайцевой, А. Кастянка свидетельствуют об искренней привязанности авторов к своему родному Витебску, к Беларуси. Родина осмысливается, прежде всего, как место, где происходит нравственное формирование личности, как оплот духовности. К родной стране обращаются в самые нелегкие минуты:

Ты приюти, когда я буду странницей.
Сердца спаси от холода и зла.
Святой земле быть суждено избранницей –
на ней дорогу к Храму я нашла...

(Ю. Золотая)

Порадовали умением работать со словом и самые юные участницы коллективного сборника – гимназистки А. Жлуктенко и О. Никитенко. Их произведения характеризуются художественной завершенностью и высоким эстетическим уровнем.

Второй выпуск сборника «Придвинские зори», помимо поэтических произведений, включает в себя и несколько прозаических зарисовок, авторы которых (А. Береза, Ю. Жук, Я. Пакетова, Л. Петухова) смогли проявить наблюдательность, внимание к деталям, умение в бытовом увидеть бытийное.

Хочется верить, что участники литературной гостиной «Строкой негромкою...» найдут свой путь в литературу и к сердцам читателей, а мы еще не раз станем свидетелями чуда рождения Слова...

Подготовка материалов для данного сборника осуществлялась в рамках научно-исследовательской темы «Определение социальной роли, закономерностей функционирования языков, литератур, фольклора Беларуси в контексте развития европейской и мировой культуры для дальнейшего совершенствования системы гуманитарного образования и обогащения духовного потенциала современного общества» (этап «Творческая индивидуальность писателя и литературный процесс: сопоставительное изучение и преподавание»).

Второй выпуск сборника «Придвинские зори» адресован студентам филологического факультета, занимающимся исследованием современной литературы, и преподавателям-филологам, любителям и знатокам литературного творчества.

Издание может быть использовано в учебной и воспитательной работе как со студентами, так и со школьниками.

Елена Крикливец,
доцент кафедры литературы,
член Союза писателей Беларуси,
член Союза писателей России

Поэзия

*Стихи не пишутся – случаются,
как чувства или же закат.
Душа – слепая соучастница.
Не написал – случилось так.*

А. Вознесенский

Ольга Андреевна

1996 г.р.

Студентка филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

* * *

Дождь проиграет осенний сонет
пьяными струнами.
Листья багряные спят на земле
прелыми дюнами.
В сжеванных ветром седых облаках
альими птицами
вдруг промелькнет рыжеватый закат
с разными лицами.
Девушка-осень пройдет не спеша
тенью по улицам.
В гроздьях рябины она малышам
видится, чудится.
Золоту кленов завидует ночь,
красит все в серое.
Мутные лужи отведать не прочь
яблоко спелое.
Старый фонарщик зажжет от руки
с помощью лесенки
по переулкам свои огоньки
или развесит их.
Дождь проиграет осенний сонет
пьяными струнами.
Небо осветится. Звездами? Нет.
Рваными лунами.

* * *

За спиной говорили: «Сильная...»
Одинокая. Молчаливая.
Перекрестки, дороги пыльные
окаймляю густой крапивой я.
Заплетают мне косы черные
вместо гребня ветра попутные.
Подорожник и травы сорные
провожают кивками смутными.
За любовью, за рутой огненной
повела меня кровь горячая.
И непрощенной, с места согнанной
представляюсь теперь обманщицей.
Танцевать бы, смеяться с бурями,
быть смелее и чуть счастливее.
На ладонях разводы бурые
рисовать сладким соком сливовым.
Только все, что в конце останется, –
васильки да рубцы походные.
Для случайных прохожих – странница.
Но такие, как я, – свободные...

* * *

Я синее небо в руки
возьму. И пускай заплачет.
Шумит и поет дождями, ломает и бьет грозой.
От сизой тоски и скуки
становятся чуть богаче
туман и лесные страхи, и кровью пропахший зной.
Сплетется венок из дерна
над дикой моей могилой,
и странно далекий кто-то уснет на моих костях.
Плывет по дороге черной
кисель ядовито-стылый.
Проснись, незнакомый путник, ведь ты у меня в гостях.
Кричи, что забрел случайно,
что сном одурманил вереск,
что шел чудесам навстречу по топям моих болот.
Усталый, чужой, печальный,
голодный, подобный зверю,
тебя и таким, пожалуй, домой кто-то очень ждет.
Ну что ж, отпускаю с миром,
смотри, не уйди в трясины
к гниющим людским порокам, на нить в лягушачий шелк.
Пусть завтра встречает пиром,
не злом, не клубком змеиным.
Ступай чудесам навстречу, болеющий волей волк.

* * *

Что-то, милый, мне не верится:
мы с тобою не враги.
Не считай меня изменницей,
лучше душу береги.

И прощаньем в ночи темные
не буди во мне тоски.
Будем вместе мы, бездомные,
взяты горечью в тиски.

Разбежались. Разведенные.
Между нами дым и тлен.
Не остыли. Мы студеные
до седьмых почти колен.

Не сплетемся ночью кружевом,
Не воскреснем по утру.
Нерушимые – разрушены.
Не придется ко двору.

Не судите. Осужденные
мы давно уже собой.
Мы не гнемся. Мы крепленные
небесами и судьбой.

* * *

По костям, по слезам, по трупам – и до небес.
Только что-то такое странное жжет в груди.
«В нашем мире любовь и честь потеряли вес», –
не задумавшись, ставим глупое «плюс один».

В нашем мире один ослеп – это целый мир.
Всем гниющим уже пора бы давно сгореть.
Вам не нравится? Ваше дело. Улыбка. «Сыр».
Вас снимают и вас купили уже на треть.

Априори мы не получим успех в кредит,
ведь за все выдается маркий расчетный чек.
Под покровом безмолвных звезд хорошо бродить,
в тишине коротая этот болтливый век.

Постепенно слетают маски и лживый лоск,
неприкрытая злоба стубит, не ровен час.
Нам сегодня двоичный код заменяет мозг,
а однажды, наверно, кто-то заменит нас.

Яна Богатырева

1995 г.р.

Студентка филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

* * *

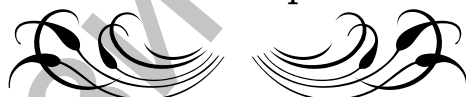
Тяжело мне тебя любить,
но любовь для меня отрада.
Я пытаюсь твой взгляд уловить,
когда просто проходишь рядом.

Чувства мне не забыть, не унять.
Сердце в нежности, в ласке плещется.
Жаль, тебя не могу понять:
Полюбил? Или так, мерещится...

Тяжело мне тебя любить,
но любовь для меня отрада.
Я хочу ее сохранить.
Не губи. Я прошу. Не надо.

Евгения Букотина

1977 г.р.

Студентка филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

БАЯН И ГАРМОШКА

Белым пухом тополиным
по реке туман плывёт.
Песня криком журавлиным
мне на части душу рвёт.

И корабликом бумажным
на воде качнулся лист.
Что ж так горестно-протяжно
соловиный пересвист

подпевает гармонисту –
переборам и басам?
И без фальши ровно, чисто
разольётся по лесам,

по лугам, по всей округе,
по деревне, вдоль полей
песня старенькой подружки
всех унылых серых дней.

Пусть гармонь сегодня плачет...
Только вдруг издалека
старый друг совсем иначе
ей ответит. И легка

понесётся по дорожкам
полька-пляска! Эх, баян,
весели свою гармошку,
выводи на танцы стан!

Дар любви печали вместо –
друг для друга от души...
Баян-жених, гармонь-невеста,
как вы вместе хороши!

ТУМАН

Туман над городом моим –
и всё бесцветно, словно дым.
Все краски спрятались в туман.
Я вижу сон? Кругом – обман?

Вот многоглазье фонарей
ползёт вдоль улицы моей.
И зданий странный силуэт
не отражает блеклый свет.

Во мраке – змеи – тень машин:
миганье фар, шипенье шин,
сигнализаций волчий вой...
Жужжащих мыслей дикий рой.

В ночном тумане город-зверь
рычит на запертую дверь –
так чудище в иных мирах
многоголосьем тешит страх...

Где зреньё с бритвой не сравнить,
где мысли сути ищут нить,
фантазии живут сытней,
раздумья – идол среди теней,

воображенье – царь и бог,
психологический подвох.
Здесь в сердце нет глубоких ран...
А просто город скрыл туман.

Дарья Гуцалюк

1995 г.р.

Студентка филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

* * *

В этом злом и холодном зеркале
что увидишь внезапно ты:
это счастье в глазах померкло
или страх уничтожил мечты?

Ты уже ни во что не веришь
и считаешь себя ничтожной.
Пустоту ничем не измеришь...
Но встряхнуть эти будни можно!

Позабудь про усталость и слабость,
отпусти все обиды, что держишь.
Жизнь ещё принесёт тебе радость,
если просто в себя поверишь.

Анастасия Жуктенко

1998 г.р.

Ученица 10-го класса ГУО «Гимназия № 8 г. Витебска».

* * *

Ты только скажи
хоть что-нибудь –
и я, руками слабыми
сердце сжав,
глаза на тебя подниму
тихонечко.
А сердце моё потеряет
все тормоза...

Глаза подниму
с блеском взволнованным.
Сердце стучит,
срываясь и падая...

А ты не заметишь этого,
может быть:
ты занят делами,
вузом, докладами.

Дыханье моё ненормальное,
сбивчивое
я подавлять научилась давно,
наверное...
И губы мои пересохшие,
неулыбчивые
ты принимаешь
за просто обветренные.

Что сердце моё могло ошибиться –
глупости!
Хоть юное оно и неопытное,
как и я.
И взгляд опускаю не из-за боязни нарваться
на грубости...
Я боюсь встретить прямой
понимающий взгляд.

Я боюсь. И, быть может, от этого
сердце дрожит.
Я люблю. И, быть может, от этого
голова кружится.
Если б знал ты об этом, сказал,
«Замолчи,
пожалуйста!» И, как друга старого,
пригласил бы поужинать.

Но проклятые гордость
и самостоятельность
из романов рыцарских-дамских-агущих
с болью думают сами справиться...
Что ж, быть может,
оно и к лучшему.

Ты по жизни летишь, сердце своё высоко держа,
ярко-горящее.
И, как издревле мотыльки, инстинктом ведомые,
к огню слетаются,
ты притягиваешь всё робкое,
всё пока настоящее.
...Но сердце моё, к твоему поднимаясь,
каждый раз
срывается.
Почему-то...

* * *

Первым холодом щиплет руки –
играешь в ладушки.
Ждёшь, что кто-то в трамвайном вагоне
сядет рядышком.

И тот парень в шарфе клетчатом
кажется симпатичным.
Но садится тётенька-в-шляпе-
взгляд-апатичный.

Через шляпу смотришь в окно –
небо в полосочку.
Кружевное и розовое оно,
туча-точечка.

И ресниц мягко касается
тонкая паутинка.
А у впереди сидящего в капюшоне –
лист-соринка.

Лист к стеклу прилип –
зайцем катится.
Зайчики пускает девочка
в платице.

А кондуктор на редкость вежливый –
на щеках ямочки.
А счастливый билет куплен был
вон той дамочкой.

У старушки листок кленовый
под сиденьем.
Трамвай седьмой. Октябрь. Тринадцатое.
Воскресенье.

Виктория Зайцева

1986 г.р.

Выпускница биологического факультета Витебского
государственного университета имени П.М. Машерова.

ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ

Замерло сердце. Надеждой маня,
солнце стучится в окошко души!
Ветром сорвется платок у меня.
Осень дождями прошепчет: «Пиши!»

Осень холодная, осень моя!
Я не звала, но пришла ты неожиданно.
Тихая грустная песня твоя
мною услышанная – долгожданна.

Жду я и верю: наступит весна!
Ты в ее солнечный мир окунешься
и, пробудившись от долгого сна,
сразу вернешься ко мне.
Ты вернешься.

ЛЕТНЕЕ УТРО

Рано утром встану вместе с солнцем,
распахну окно навстречу дню.
Лучик на губах моих смеется:
знает он, что я уже не сплю.

Выйду на крыльцо, шагну в ромашки,
пробегу тропинкою к воде.
Ива мне ладошкой помашет,
и начнется новый светлый день.

Паучка веселые качели
нарядила в капельки роса.
Ласточки над крышею взлетели,
стайкой окунулись в небеса.

И зовут просторы и загадки.
Каждый миг наполнен добротой.
Ландыши со мной играют в прятки,
в догонялки – ветер заводной.

МОЙ ГОРОД

Теплых улиц магнит, скорость звука, полет.
Город мой нас салютом эмоций зовет.
Каждый сквер, каждый дом – все родное до слез.
Шум фонтанов, под окнами – стайки берез.

Город детства, надежд, город чувств и побед...
Трех штыков тишину озарил вечный свет.
Здесь слова не нужны: память здесь говорит.
И ложатся цветы на холодный гранит.

Витебск гордо стоит и листает страницы.
Дни и ночи летят, словно вещие птицы.
Мы едины с тобой, каждый житель – звено.
Рвется цепь, если нету тебя одного.

Зажигается свет вечерами в домах.
Плеск Двины отголоски находит в сердцах.
Бесконечные теплые взгляды ловлю.
Я люблю тебя, Витебск мой славный, люблю!

МАМЕ

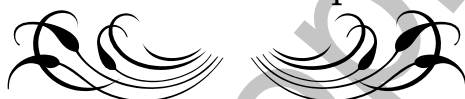
Искрится солнце у тебя в глазах,
и каждое движение, как песня.
С твоей улыбкой исчезает страх,
а день любой гораздо интересней.

Ты, мамочка, мой самый лучший друг!
Тебе свои я тайны доверяю.
И это радость: знать, что среди вьюг,
есть теплый дом, где сердцем отдыхаю!

Какое счастье голос твой ловить,
в твоих объятиях тихо растворяться!
И обо всем на свете позабыть,
когда на солнце волосы искрятся.

Юлия Золотая

1989 г.р.

Студентка филологического факультета Витебского
государственного университета имени П.М. Машерова.

* * *

А мне казалось, я тебя нашла...
Среди ветров озябших и бездомных,
среди снегов искристых и холодных
я думала, что я тебя нашла...

Почувствовать посмела я любовь,
что маленьким ростком добра пробилась,
на землю грешную в мгновение спустилась –
и сразу закипела в венах кровь...

Ты уходил, но я тебя ждала.
Ты навсегда со мною попрощался,
с другой мечтой навеки повенчался,
но не познал волшебного тепла.

Я думала, что я тебя нашла...

* * *

Запомни меня такой:
возвышенной и спокойной,
туманом над сонной рекой.
Приди, когда будет больно.

Запомни меня такой:
пьянящей сиренью весенней,
прекрасной молитвой живой
и ищущей в чувствах спасенье.

Запомни меня такой:
отверженной и ранимой,
совсем не любимой тобой,
лишь Господом Богом хранимой...

Запомни меня такой...

* * *

Прощальное письмо мне напиши...
Не слышала из уст твоих признанья.
И помни: две заблудшие души
всегда у Бога просят покаянья...

Оставь на память пару нежных строк.
Забьется мое сердце, как и прежде...
Я сохраню твой маленький листок,
что крылья подарил моей надежде...

Прощальное письмо мне напиши –
последнее и первое признанье.
И помни: две заблудшие души
всегда у Бога просят покаянья...

* * *

Прости мне все, моя святая Родина.
К тебе смогла я сердцем прирасти.
Дорога немало за плечами пройденных...
Как не свернуть мне с верного пути?

К тебе приду я снова с покаянием.
Прости, что не смогла любовь сберечь.
Той осени багряной одеяния
мне помогли костер в душе разжечь...

Ты приюти, когда я буду странницей.
Сердца спаси от холода и зла.
Святой земле быть суждено избранницей –
на ней дорогу к Храму я нашла...

* * *

К Евфросинии на поклон –
в славный Полоцк град...
Тихий колокольный звон
всем мирянам рад...
Белый купол облаков...
Мягкий свет в глазах...
В сердце – нежная любовь,
клятва – на устах...
А в прозрачной синеве –
образ неземной...
Это в утренней заре
светит над землёй
Евфросиния...

* * *

Укроюсь от печали в листопад...
Расправлю жизни сломанные крылья...
Прозрачный дождик сыплет невпопад,
Со щек земли смывая горстки пыли.

За дождь я благодарна сентябрю:
я задыхалась от жары июльской...
Я два крыла расправила в зарю –
надежду и спасение от грусти.

Я в пламенном закате сентября
смогла увидеть светлых душ сплетенье...
Той осенью жила любовь моя,
но это длилось лишь одно мгновенье...

И вот теперь я оживаю вновь...
Душа зовет в осенние просторы
Но возвращать не стану я любовь,
ведь мы с тобой не лучшие актеры...

* * *

Спелые гроздья рябины озябли от ветра...
Осень рукою несмелой стучится в окно...
Песня прощальная в небе растаяла где-то...
Песня растаяла....
Сердце болит все равно...

Крик улетающей стаи забыть невозможно...
Словно прощанье с любовью.... А осень спешит!..
Падает с дерева лист золотой осторожно.
Лист упадет.
И надежда в душе отболит.

Анастасия Кастянка

1991 г.р.

Студентка филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

* * *

Звезд прекрасных вереница
яркой россыпью легла.
Солнце село, как жар-птица,
бросив блики – два крыла.

Правое – крыло заката –
унесет вчерашний день.
Все, что мучило когда-то,
нас покинет, словно тень.

Левое – крыло рассвета –
бодрость дарит по утрам,
словно яркая комета,
в жизнь добавит красок нам.

А над озером глубоким
спит красавица-луна,
дарит радость одиноким –
им сегодня не до сна.

Будут наслаждаться летом,
дивной ночью и теплом,
и мечтать под лунным светом,
может, вспомнят о былом.

И в объятьях ночи нежной
места злу и горю нет.
Лишь струится безмятежно
с неба мягкий лунный свет.

СОН В ДОРОГЕ

Ночь. Вокруг все в коричневом тоне.
Усыпляющий гомон колес.
Крепко спящие люди в вагоне.
В темноте – силуэты берез.

Полумысли в слепой полудреме.
Полумрак. Из окна – полусвет.
И в такой полуночной истоме
головой завладел полубред.

Полуобразы. Полужеланья.
Мыслей спутанных полумираж...
Я в туманную глубь подсознания
совершаю сегодня вояж.

Вспоминаются давние встречи,
захлестнувших эмоций фонтан,
чьи-то странные долгие речи...
Но сгущается сонный туман.

И под утро, уже на рассвете
принял в чудо-объятия Морфей,
показав в перламутровом цвете
мир волшебников, эльфов и фей.

* * *

Остыли жемчужные звезды
на синем рассветном сукне.
Зеленой ладошкой береза
в окно постучалась ко мне.

Заря разлилась перламутром,
укутала кроны берез.
Мой Витебск родной, с добрым утром!
Пора просыпаться от грез!

Проснутся веселые птицы:
синицы, сороки, грачи –
и городу больше не спится:
рассыпались солнца лучи.

Весна над Двиною прекрасна!
К нам в гости пришел новый день.
Сегодня над нами не властны
уныние, злоба и лень,

Любуйся безоблачным небом,
молоденькой липки листвой,
дорожкой, раскрашенной мелом,
и первой зеленой травой.

Вдыхай терпкий запах сирени.
Почувствуй весны аромат.
Смотри, как в костюм из фланели
вишневый укутался сад.

Поверь в чудеса, наслаждайся,
вдыхай, восторгайся, дивись,
беспечной весной восхищайся,
для яркого утра проснись!

* * *

Ты взялся вдруг из ниоткуда
В моей запутанной судьбе.
Пришел – и сбылся – словно чудо:
я не мечтала о тебе.

Мы так же – вдруг – с тобой расстались,
боль затаив в своих сердцах...
Вперед стремились, спотыкались,
искали идеал в мечтах.

Взрослели, набивали шишки,
взлетали, падали, ползли...
То слепли от внезапной вспышки,
то взгляд от света берегли.

...Но вдруг ты в сердце постучался:
так осторожно, тихо так...
Засов сломался, распатался –
открылось сердце. Это знак.

Тебя я бережно впустила
и дверь закрыла за тобой.
Надежда страх мой победила
и окатила, как прибой.

* * *

Нет, не забыла.
Нет, не остыла.
Нет, не прошла стороной.

Не отпустила.
В сердце хранила
первую встречу с тобой.

Снежной зимою,
ранней весною,
теплою летней порой
сердце волную:
жду и рисую
образ таинственный твой.

Время уходит.
Боль не проходит.
В сердце и холод, и мгла.

Грезы лелею,
очень жалею
чувства, что не сберегла.

Если бы снова
только лишь слово
молвить тебе я могла –

Я бы с тобою
вслед за мечтою
хоть на край света ушла.

Таёт надежда.
Все так, как прежде.
Только ночами не сплю.

Первых свиданий,
пылких признаний
сладость в душе берегу.

Елена Крикливец

1983 г.р.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, член Союза писателей Беларуси, член Союза писателей России.

* * *

Мальш отпускает воздушный шарик
и, жмурясь, с улыбкой глядит на солнце.
Он словно задачку в уме решает:
когда это чудо к нему вернется?

Так я отпускаю твои ладони,
скрывая тоску, как письмо в комод.
Смотрю, опираясь на подоконник,
как ты через двор в тополя уходишь.

Так мать отпускает дитя в дорогу,
и крестит, глаза утерев украдкой,
и в церковь идет помолиться Богу,
надежду согреть огоньком лампадки.

...Защиплет глаза от стального света,
и хлынут слезинки, как дождик в мае.
Он вместо заветной упругой ленты
уйдет, пустоту в кулачке сжимая.

* * *

Эту возможность –
 когда позовут –
кто-то лукавый подбросит незримо:
переписать, как плохую главу,
переиграть без костюмов и грима.

Под привокзальные крики ворон
ты, прихватив чемодан толстощекий,
просто садишься в последний вагон
и возвращаешься в точку отсчета:
в мудрость, где нет поседевших волос,
в юность, не знавшую долгих сомнений,
в детство, где не было маминых слез
и синяков на разбитых коленях.

...В кассе мигнет электрический свет...
Перебирая рассеянно сдачу,
выброшу в урну обратный билет,
не понимая, смеюсь или плачу.

* * *

Заалает закат,
тихо звякнет ведро в колодце,
глухо скрипнет скелет
заколоченных дедом дверей.
На вечерней заре,
как всегда, начинает колотиться
ворох прожитых лет,
что судьбе отдавались за так.

А вокруг – ни души.
Только серая пыль огородов,
на которых весной
густо всходят крапива да сныть.
Не спеши уходить,
не забыв обратную дорогу:
по земле за тобой
твое прошлое змейкой шуршит.

Этот пасмурный век
заметает забытые тропки,
и в колодце вода
неизбывной полынью горчит.
Разлетятся грачи,
но в попытке – безумной и робкой –
ты вернешься сюда,
чтобы вспомнить, что ты человек.

* * *

Запыленное небо развесило тряпки.
Под ногами лежит то ли прах, то ли путь.
Видно, что-то сломалось в привычном порядке:
и других не сыскать, и себя не вернуть.

В час, когда имена позабыты и даты,
и случайные тени шныряют в ночи,
где же голос, к спасению звавший когда-то?
Отчего ж ты, вития, так долго молчишь?

Он слова собирал, вспоминая молитвы –
утекали они, как сквозь пальцы песок.
И шептал невпопад тексты песен забытых,
воспаленные веки раскрыв на восток.

А когда и молитвы, и мысли иссякли,
по земле обожженной ушел человек...

И разбились о камни тяжелые капли
и надежда на будущий Ноев ковчег.

* * *

Между тучами – краюшки неба синего –
окна в истину – прозрачны и чисты.
Словно в зеркало, глядится Ефросиния
в неразбуженные воды Полоты.

Ночь хоронится в трепещущем осиннике,
много темного выдавшем на веку.
И в зарю идут былинные дружинники
из мифического «Слова о полку».

Ни вернуться в эти дали, ни покаяться,
ни откликнуться на этот вечный зов...
Только стрелы Перуновы отражаются
в спелых луковицах здешних куполов.

Оттого, видать, в Христово Воскресение,
находясь от просветленья в двух шагах,
вдруг душа рванется следом за Есениным
Русь оплакивать в московских кабаках.

* * *

В этом доме не спали, боясь немоты,
те, кого все равно не слышали...
И один постигая закон высоты,
сизый голубь взмывал над крышами.

И свисти не свисти, и зови не зови –
в синеве растворялся точкою...
Бесприютное слово летело за ним,
словно дым папиросы в форточку.

Прозвенело. Застыло. Оттаявший март
приподнял воротник, поежился.
Собирая колоду рассыпанных карт,
время строки свои итожило...

За стеклом, как минувшего века штрихи,
притаились тома и сборники.
Но на кухнях все реже читают стихи
и дворы метут просто дворники.

* * *

Тополь, подпирая небосвод,
в толщу дней глядит с неммым укором.
И тропинка робкая ведет
к старенькой скамейке у забора.

Здесь и тени поросли быльем...
Только почему-то год от года
окон заколоченный проем
не пускает душу на свободу.

Этот груз не разделить ни с кем.
Горький крик не вырвется наружу.
Тихо дрогнет жилка на виске,
и морщинки сделаются глубже.

Ни в погонных метрах, ни в рублях
не измерить дедовские хаты...
На таких вот сизых тополях
выбьет время памятные даты.

* * *

*На земле была одна столица,
все другое – просто города.
Г. Адамович*

Здесь не «бьетса Нева о холодный гранит»,
не поет под ладонью ограда литая...
Этот город свои кружева мастерит,
настоящее с прошлым упрямо сплетая.

Здесь над старою ратушей кружит листва
и взлетает Шагал над шуршащей аллеей.
Здесь поэт подбирает такие слова,
от которых осеннее небо теплеет.

Мелкий дождик дорожки к утру навоцит,
пробежит по мостам, не жалея сандалий.
И согнется под лампой седой часовщик,
починяющий время в еврейском квартале...

Чтобы призрачных лет удержать череду,
чтобы терпкой истории вдоволь напиться,
я по древнему городу тихо пройду,
как по дремлющей в золоте лучшей столице.

* * *

Им суждено, переступив порог,
покинув дом, знакомый с колыбели,
пройти сквозь сад исканий и тревог,
где рифмы, будто яблоки, спели.
Следы не успевают зарости,
ведущие в холодные рассветы...

По радуге, по млечному пути,
пересекая призрачную Лету,
они уходят,

росчерком пера
себя приговорив к своей эпохе.
Беда летит на звуки топора,
как птица на кладбищенские крохи.

Но жизнь идет. И зеленеет сад.
Считая дни, бурлит поток широкий.
Ни утонуть. Ни повернуть назад.
Чем глубже омут –
тем прозрачней строки.

* * *

Заболит душа и внезапно сорвется к истокам
за такую строкой,
чтобы истина в ней ужилась.
Ты отыщешь ее на скрипящем крылечке высоком,
с постоянной лачугой почувствовав странную связь.

Засыпает листва эту землю и эту обитель.
Вечереет уже, и давно отправляться пора,
но склонит виновато седую макушку смотритель:
«Так ведь нет лошадей...»

И приходится ждать до утра.

А когда поутру упакуешь бельишка и снеди,
и, как бедная Дуня, помедлишь у старых ворот,
и потом напрямки по разбитой дороге поедешь,
там, в осеннем тумане, шальная Тамань промелькнет.

Поислают слова, как привычные телу обноски,
и не встретится тот, кому жить на Руси хорошо.
Ты напьешься беды и пойдешь босиком по-толстовски...
Он ведь тоже искал,

да, признаться, навряд ли нашел.

* * *

Прошедший век с просевшим домом
уже никто не покупал.

Лицо в оправе из картона
смотрелось в крошево зеркал...

А в этом мире тоже жили –
не приходили на постой.
Там петли заячьи кружили
от первопутка до Страстной,
и пелись песни без начала,
и пились вечные сто грамм,
и плавно лебеди качались
на серой вате между рам.

Ушло. Растаяло. Забылось...
Лишь при включенном ночнике,
смеясь, – от бабки научилась –
она гадала по руке.

И было невдомек обоим,
читавшим линии судьбы,
как сложный вензель на обоях
похож на заячьи следы.

* * *

Ну, вот он на холсте – надежда и проклятье,
расстрига и монах, разбойник и поэт...
Одернув рукава запачканного платья,
она тревожный взгляд бросает на портрет.

Выходит на балкон хрущевского «поместья»
послушать, как скрипит под сапогами наст.
И робко ждет шагов в невымытом подъезде –
и верит, что спасет, и знает, что предаст...

Но чайник докипит на газовой конфорке,
погаснет, как свеча, мигающий экран –
и он перенесет, плотней задернув шторы,
возвышенность мечты на скрипнувший диван.

Давно перевелись раскольники и барды...
И этот поздний гость понятен не вполне,
чтоб, глядя на него, писать, как Леонардо,
Иуду и Христа на вечном полотне.

* * *

По лужам бежит ветерок торопливый,
балует за настезь открытым окном,
у низкой калитки, где старая ива
застыла почтенно в поклоне земном.

И бродит Господь в этих далях уездных,
хлеба рассыпая дающей рукой.
А жизнь, как вода во облацех небесных,
неясно темнеет за спящей рекой.

Делам и посевам отмерены сроки.
Клокочет над берегом визг детворы.
Своих пассажиров у тихой затоки
услужливый лодочник ждет до поры.

Промытое утро антоновкой дышит.
Тихонько скрипят, в синеву уходя,
ступени, зовущие прямо на крышу
к нападавшим яблокам после дождя...

Щемящие запахи давнего Спаса
отыщешь в потертом своем рюкзаке,
откуда годами достать не решался
росинку на маминой теплой щеке.

Владислав Масленников

1996 г.р.

Студент филологического факультета Витебского
государственного университета имени П.М. Машерова.

* * *

Мне б тебя забыть
и не видеть больше.
Перестать любить,
жить намного проще.
Мне бы взять билет –
и уехать дальше.
Только это бред...
Я хочу, как раньше:
видеть яркий свет,
быть счастливым очень
и встречать рассвет
после летней ночи.

Поздние прогулки –
долгие минуты.
Слышу шорох гулкий
в телефонной трубке...
Я хочу, как раньше,
снова быть счастливым.
Я хочу, как раньше,
быть тобой любимым.

Ольга Никитенко

2002 г.р.

Ученица 6-го класса ГУО «Гимназия № 2 г. Витебска».

КОРАБЛИК

Бумажный кораблик
пустил по реке
мальчишка в отцовском
большом пиджаке.

Он, как настоящий,
поплыл по волнам.
И верил мальчишка,
что он – капитан.

Размякла бумага.
Кораблик погиб.
Листочек тетрадный
белеет вдали.

Остались мечтою
и горы, и лёд,
и чаек морских
непрерывный полёт...

Мальчишка, я знаю,
свои корабли
мужиной построит,
чтоб плыли вдали.

...И новый кораблик
пустил по реке
мальчишка в отцовском
большом пиджаке.

Янина Пакецова

1991 г.р.

Студентка филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

* * *

Уехать бы прямо сейчас,
на плечи накинув плед,
без денег, без сигарет,
не зная который час.
Уехать бы прямо туда,
где сморщились города
в большое живое пятно,
где я не была никогда.
Там слов непонятных много
и лиц незнакомых тьма.
Там улиц кривых тротуары
обогнула огней тесьма.
Там здания, крыши, трубы,
мосты, магазины, окна.
Там чьи-то чужие губы
в переводах читают Блока.
Там нет ни тебя, ни меня.
Уехать бы, убежать
без повода, без предлога!
Чтоб впредь ничего не знать
ни хорошего, ни плохого.
И паспорт похоронить
в ближайшей замызганной урне.
Чтоб зваться легко и просто:
дурой!
Там нет ни тебя, ни меня ...

Я ГОВОРЮ

И
Я говорю.
(И пусть не до всех достучаться.
И пусть я трясусь от страха.
И пусть я смешна, нелепа ...)

Я говорю:
от этого нового века,
где в красках, в цветах
всё блекло,
набито нутро человека,
как чучело,
пеплом.
Вода не смывает пятна –
она наполняет вёдра:
пустые
ложбины суши,
сухие глаза
ребёнка.

Нас мучают вечная жажда,
хроническая усталость.
Всё небо в глубокую складку
задрапировано, сжалось.
Ничего не осталось.
У нас ничего не осталось.

II
В волосах заводятся осы.
Обрезаем тонкие косы
и плачем неистово,
как в агонии.
Но кто-то,
как будто в вагоне
пустого поезда.
Без билета, без попутчика –
боязно –
жизнь проходит.

И с жизнью уходит что-то,
уходит куда-то с гулом
А после – так тихо, так трудно.
А после – как будто, что было, – всё глупо,
что есть – безысходно.

И в поезде нету места,
и содрана кожа с сидений,
и кроме иллюзий, видений,
и кроме молчащего сердца
не видно соседей.

И ты говоришь сам с собой,
что страшнее, чем с кем-то.
Здесь даже молча – понятно.
Даже шёпотом – слышно.
О себе здесь не принято лестно.
И всегда ты – единственный лишний.
И всегда недосказано что-то.

III

Мне так хочется стать коромыслом
и на плечи прилечь устало.
На чужие холодные плечи,
на которых так много лежало.

А потом...

Говорить, говорить, говорить...

А потом...

умереть.

Я не верю,
что кто-нибудь знает,
как выглядит смерть.

И не страшно.

Ну, хоть посмотреть.

Подсмотреть.

Чтоб хоть что-то – на память.

Чтоб хоть что-то – осталось.

IV

Календариков насобиралось...

Мечта коллекционера.

Я, словно из чрева времени,
выглядываю в никуда.

Зеркала завешаны марлей.

Паклей прилизаны лица.

В каждой клетке – по птице.

Скаются бронзой улыбки,
и большая растёт борода
прямо из неба.

Люди лечат таблетками нервы,
потому что болит голова –
мировая мигрень.

Каждый день.

Обострение веры.

И опять серпантин, мишура, парики.

И опять маскарад –

скорбных лиц

всерастущая лига.

Оквadraченная дыра.

V

Я скажу – и никто не услышит.

А кто слышит – отводит взгляд.

Слишком страшно подряд и снова
слишком просто – смиренно в ряд
разрастаются, как сады,
наши правильные ряды.

Но, наверное, кто-то слышит.

И, быть может, услышишь ты.

Анастасия Печенькова

1996 г.р.

Студентка филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

* * *

Открой же дверь, не стой.
Порог – не твой удел.
Впусти тебя домой,
раз ты прийти посмел.

Мне не страшна судьба.
Мне рядом бы с тобой.
И пусть – не навсегда.
Но видеться порой...

Ты не захочешь быть.
Ты побоишься вновь.
Успел ты позабыть,
что где-то есть любовь.

Отказа не боюсь.
Расплакалась – пустяк.
Сквозь слезы улыбнусь,
ты не волнуйся так.

И на рассвете пусть
отправишься ты вдаль –
меня охватит грусть,
но прошлого не жаль.

Оксана Пугачева

1995 г.р.

Студентка филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

* * *

Я хочу любить.
Любить именно тебя.

Такого хорошего, доброго, верного.
Который будет отдавать мне свою кофту,
когда я замерзну...
Который будет любить меня больше,
чем жизнь.
Который будет знать все мои недостатки
и принимать их.
Который будет меня уважать и оберегать.
Мы будем бороться за свое счастье.
Обязательно будем!
Ценить каждую минуту, проведенную вместе.
И мы будем счастливы!
Навеки.

Елена Щербинина

1991 г.р.

Выпускница филологического факультета Витебского
государственного университета имени П.М. Машерова.

ДРУЗЬЯМ

Есть просто любимые люди,
с которыми рядом тепло.
Мы их называем друзьями.
Друзья! С вами мне повезло!

Меня наша дружба спасает
от горестей разных и бед.
Без вас как жила бы, не знаю...
Здоровья и долгих вам лет!

А я, в свою очередь, знайте,
о вас буду помнить всегда.
Почаще меня навещайте,
коль нас развели города.

Мне просто тепло рядом с вами
всем бедам житейским назло.
Я вас называю друзьями.
Друзья! С вами мен повезло!

Светлана Якименко

1995 г.р.

Студентка филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Скорблю душой – и набегают тучи.
Пою строкой – и сердцу не до сна.
Чист горизонт. Пробился первый лучик.
Погода нынче так ясна...

В маленьком сквере шуршит ветерок –
вестник надежд, перемен, расставаний.
Солнечный зайчик вскочил на листок.
Я погрузилась в мир грез и мечтаний.

Пока я парю без преград в облаках,
мой солнечный друг, ты – живи в настоящем,
развей все печали, сомненья и страх,
стань ангелом света, над миром парящим.

ПОЭТ

Играет старая пластинка.
Уже давно остыл камин...
Он в этой комнате один.
А за окном кружат снежинки,

спускаясь на сосны плечо.
Они сияют в лунном свете...
Он грустно смотрит в глубь столетий –
не в силах вспомнить ни о чем.

Он смотрит вдаль, в глубины ночи,
а взгляд его – пустой и дикий.
И горло наполняют крики
бессилья, горечи... А, в прочем,

он, как и все, быть может, грешный
и проклят он самим собой.
Он свой талант смешал с золой
и смотрит в окна, безутешный.

Проза

*Нет на свете дела труднее,
чем писать простую,
честную прозу о человеке*

Э. Хемингуэй

Анастасия Береза

1992 г.р.

Студентка филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

ЭТОЙ НОЧЬЮ СО МНОЙ БЫЛ ТЫ

*Жизнь и сновидения –
страницы одной и той же книги.
А. Шопенгауэр*

Сегодня ты мне приснился. Впервые за долгое время.
Это был странный сон.

Я собиралась пройти мимо тебя, кинув лишь сухое «привет». Не потому, что я не хотела тебя видеть, даже наоборот: у меня было смутное желание увидеть тебя, узнать, что произошло с тобой за последнее время. Нет, не по этой причине. Я боялась себя. Ты помнишь? Ты все, конечно, помнишь! Когда-то хватало одного твоего слова, одного движения... да что там говорить! Хватало одного взгляда, чтобы я...

Но там – во сне – ты вдруг остановил меня. И твои глаза сейчас смотрели на меня совсем по-другому. В них читалась вина за все, что ты мне причинил. Ты же сломал меня, растоптал... О Господи, ты бы знал, что было со мной после того, как я поняла, что то «пока» было последним. Совсем последним. Я думала, что так утрированно страдают лишь героини книг и фильмов. Сейчас я даже не знаю, как мне удалось все это пережить? Не знаю.

Но осознание вины в твоих глазах остановило меня во сне от резкого ответа, мол, не время и не место... Однако прошлый опыт научил меня быть осторожной, не бросаться в омут с головой, и ты как будто понимал это, был как никогда заботлив и внимателен. Твоя улыбка дарила надежду на возвращение...

Голос Бруно Феррара, который пел какой-то девушке, что она *bellissima* и *fantastica*, разрезал воздух. Это первым проснулся будильник. Но мне было не до него. Я чувствовала настоящую боль. Боль в груди. У меня перехватило дыхание. Это было знакомое с детства чувство, когда я упала с яблони плашмя на живот. Весь воздух был враз вышиблен из легких. Перед глазами потемнело и поплыли разноцветные круги. Я боялась задохнуться. Надо же – столько времени прошло, я снова вернулась к жизни и уже начала ей радоваться... Нет, боль никогда и никуда не уходит, она навсегда остается.

Наконец я смогла сделать вдох. Обычный воздух обжег ноздри, горячей волной дошел до легких. Я снова могла дышать.

Уже давно молчал будильник, окончательно потеряв надежду заставить меня встать с кровати, а я все сидела в груди смятого одеяла и смотрела в окно, держась за горло.

Ты обещал вернуться. Зачем? Не надо.
Сегодня ты мне приснился.
Это был странный сон.

Юлия Жук

1993 г.р.

Студентка биологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

ЖИЗНЬ НЕ СТОИТ НА МЕСТЕ

В природе поры года сменяют друг друга, как солдаты на посту. Только они ведут себя, словно девушки: капризничают, опаздывают и хитрят. Не зря же они женского рода!

Осень... Я люблю осень. А за что её не любить? Всегда «освежающее дыхание», «пёстрая одежда» и игривая улыбка. Она кажется мне не завершением, а началом всего. Началом учебного года, сбора урожая, началом прохлады.

Осень всегда нас балует «бабьем летом», чтобы мы успели попрощаться с тёплыми деньками, достать из шкафов пальто, сапоги, шапки, перчатки и зонтики.

Конечно же, осень дождливая пора. Но она ещё и пора романтиков. Да, не только весна время любить. Осень даже серьёзнее как-то в этом смысле. Все понимают, что гуляние под зонтом по лужам – прошлый век, но не все знают, что после такой прогулки очень приятно посидеть в уютном кафе с горячим чаем или кофе. И я думаю, что именно осенью чувства более душевные, а отношения крепкие.

Пусть все считают, что осень – унылая пора, но она всё-таки самая очаровательная!

А как же весна? Я не верю людям, когда они говорят, что не любят весну. Всё это ложь. Весну невозможно не любить.

Вот человека мы любим просто так. А весну мы можем любить за всё: за весеннее солнышко, за ручьи, за грозу, за зелёные листочки и за светлый праздник Пасхи.

Помнится, в детстве мы убегали из дома на улицу, чтобы пускать кораблики по ручьям. Обязательными атрибутами весенней поры были размытая дорога, резиновые сапоги, забрызганная одежда, выговор от мамы.

Весна как первая любовь: наивная, светлая, тёплая и прекрасная!

Поры года... Осень, зима, весна и лето. Как здорово, что они меняются. Жизнь не однообразна, она не стоит на месте. Цените же каждый её период!

Янина Пакецова

ДЕДУШКА

Старый больной мужчина с мутными глазами, источенными алкоголем, но удивительно светлыми и глубокими. Старый странный человек за калиткой убогого маленького дома поглаживает пса, тяжело дыша, с трудом к нему наклоняясь. Старик улыбается. Он что-то у меня спрашивает, что-то говорит. Я не вслушиваюсь. Смотрю в его глаза, пытаюсь узнать о нем то, чего сам он никогда не расскажет.

«Де-душ-ка», – думается мне.

Из всей их семьи только он один кажется мне настоящим, живым. Он один очаровывает меня какой-то тайной – загадкой нетрезвой старости. И так хочется спросить его о юности, о любви, о книгах, которые он читал. Ведь он и любил, и читал – я знаю это наверняка, чувствую это.

Хочется без конца его оправдывать, трепетно защищать его слабость – страшный, уже неизлечимый недуг, на который он обречен. Хочется кричать всем и каждому, что он болен, он не виноват – несчастная любовь, неподходящее окружение, жестокая судьба – все что угодно, только не он.

Де-душ-ка...

Я рисую его героем, мучеником, страдальцем, мыслителем... Незаметно прорываюсь через пелену его старых добрых глаз.

Пахнет яблоками. Пахнет детством и деревенским домом, которого у меня никогда не было. Там, вдалеке, уныло мычат коровы так, будто тоскуют о чем-то.

Я стою. Всматриваюсь. Улыбаюсь. Увижу ли я его еще когда-нибудь? А если увижу – почувствую ли то, что так остро ощущаю сейчас?

Был ли он героем? Страдал ли от неразделенной любви? Не знаю... Да и не узнаю никогда. Но так хочется обнять его, обнять такого старого и большого, как целый мир, такого родного и непонятного, как сама жизнь.

Де-душ-ка!

Он поцеловал меня в щеку на прощание. Как внучку поцеловал – от души. Сухо и тепло сделалось моему лицу. А внутри – словно что-то улыбнулось. Наверное, и он «увидел» меня. А может быть, – просто старческая сентиментальность... Но все же.

Этот запах переспелых яблок, это солнце и этот дедушка – не мой дедушка, не мои яблоки и даже небо как будто не мое – вернули меня в далекое детство. И этот старый странный мужчина с большими глазами – как луч, освещающий мне путь, извилистый, неизвестный никому, ни ему, ни мне, ни небу – одарил меня тем теплом, которого так не хватает в жизни неисправимым идеалистам-романтикам вроде меня.

КОРОБКА ИЗ КАРТОНА

Это была коробка из картона. Обычная серая коробка. Полный куб. А внутри – множество картинок, вырезок из журналов и газет, рисунков, открыток: Достоевский, Фаина Раневская, Гаутама Будда, Мэрлин Менсон, Тим Бёртон, Кобейн, брокколи, орган, татуировки, деревья, Жанна Дарк, фенечки, Брюгге, Афремов, Вагнер, Венеция, корица, киви, Есенин, Битлз...

Внутри существовало оно. Оно ничего не помнило. Растущая пустота заполнялась фрагментарностью. Коробка пряталась в самом углу. Её почти не было заметно. Худые ступни выглядывали наружу, упираясь в обшарпанную стену. Как цветы сакуры, роняла стена ржавые листья старой краски. Белые пятки подпирали старость стены, и никому не было одиноко.

Оно ничего не помнило. Стена же вспоминала и вздыхала. Она заглядывала в зияющее чрево коробки и плакала, теряя последние свои лохмотья. Так много было спрятано в этих серых бумажных сумерках, что совсем мало можно было унести с собой. Поэтому стена вспоминала и плакала. А оно подпирало ее старость, не обращая на слезы никакого внимания, потому что стена была ветхая и сентиментальная.

Когда приходило лето, оно не мерзло. Ступни ныряли в белый горячий песок. И стену никто не подпирали. В такие дни стена быстрее старела, песок больно обжигал ее морщины, и она ждала поздней осени.

Вырезки и открытки старели вместе со стеной. Потому что летом оно рисовало пальцами по песку и не обращало внимания на стену. Оно любило лето. Было жарко и совсем без мыслей. А вот осенью оно плакало и боялось, потому что иногда что-то хотело вспомниться.

Однажды в начале сентября, когда стена обрела оптимизм и ждала, оно выбралось из своего убежища. Тонкие ноги дрожали, оно училось ходить. День был жаркий и дул ветер. Коробка перевернулась и несколько секунд прыгала на месте. Стена испугалась и смотрела. Оно все уверенней передвигалось напротив.

Когда коробка горела, стена вздыхала и плакала. Ее голая старость была изуродована черной копотью предательства. Оно кричало и смеялось. Коробки не стало. И не стало того маленького «много». Стена развалилась на ахающие некрасивые куски.

Оно лежало на разбросанных грязных камнях и смотрело в небо. Скоро зима, но ничего не осталось. Даже серой коробки. Даже старой стены. Оно улыбалось... и что-то вспоминало.

ПЕРСЕИДЫ ПРИХОДЯТ В КАНУН ОСЕНИ

Персеиды приходят в канун осени. Они торжественно покрывают уже высокое и слегка остывшее полотно неба. Бережно кутают мечты человечества и уносят их в молчаливое безвременье. Персеиды – это тысячи надежд, которые иногда сбываются, и тысячи разочарований, которым суждено покоиться в теплой, многослойной, как пирог, Вселенной.

На прогнившей сырой лавчонке сидит Янина. Маленькая и белесая женщина. Ей 103 года. Пестрый, но уже выцветший платок обнимает ее хрупкие, еще полные жизнью плечи. Рядом – девушка, совсем напоминающая девочку. Женщина потирает огрубевшие круглые ладони и смотрит в небо. Девочка – обхватив колени, восхищенно изучает лицо Янины.

«В середине XX века я была такой же, как ты... Молодой», – шепчет старушка.

«Я рисовала остроносые сапожки одного юноши. Зачем? Не спрашивай. Если много задавать вопросов, то внутри опустеет. Должна оставаться тайна, ответ на которую не стоит искать даже в себе самом. Наверное, я любила. Да, любила. А сапожки были такие маленькие, как будто не на мужскую ногу...»

Девушка зажмурила один глаз и улыбнулась Янине.

Вверху, в этой черной неизвестности, поддегивались белые пятнышки, а некоторые из них, словно стеклянные пуговицы, отрывались от иссиня-черного бархата и исчезали навсегда. В такие минуты Янина замирала, а потом слегка подмигивала девушке. Обе не решались сказать вслух, но как будто проговаривали про себя: «Вот, еще одна упала».

«Ты, наверное, думаешь, что я старая. Да, я стара. Но мне не иначе, как 60. Не больше ни на годок. А знаешь, сколько я буду жить? Всегда...»

«Да, я это знаю».

На скамейку присело два времени, знаменующих начало и бесконечность. Два отрезка, словно упругие цепкие лианы, накрепко сплетались всего одним словом – «всегда».

А сапожки стоят в кладовке, и носики их по-прежнему остренькие, как спелые перчики чили. А косынка на Янине алеет первыми пионами на темно-зеленых, сочных стеблях... И лучики-морщинки в уголках глаз женщины мудро улыбаются удивленным впадинкам девочки, кожа под ее глазами гладкая, веки натянуты, как шелк на пальцах. И женщина узнает себя в этом почти ребенке и ей хочется плакать. А над ними – беззвучный салют, и время почти не движется.

Янина вышивает цветы. Руки ее бережно перебирают знакомые комбинации.

«Я рисовала его сапожки, а потом он позвал меня... Нет, не позвал, он просто взял за руку – и мы пошли».

Янина говорит тихо. Полуслепым глазам не нужно света, они все знают, все помнят. Девочка всматривается в рисунок, но почти ничего не видит. Поэтому снова смотрит на звезды, а Янина иногда поднимает голову к небу, но не забывает делать частые, уверенные стежки.

На зеленой материи, словно разводы от воды и мыла, переплетаются темные линии. Цветы еще не отчетливы, но уже узнаваемы. Это пионы, бордовые, и цвета ванили, это крупные лохматые шары на крепких канатных веревках, соединенные цветочными узлами, узлами природы.

А где-то пенится море, танцуя свой собственный танец. Движения предков просты, но вдумчивы. Море вторит забытой памяти, а нам остается смотреть и слушать.

«Мы были на море. Мы жили там некоторое время. Нет нигде такого утра и такого вечера, как там...»

Янина шепчет, шепчет, шепчет. И этот шепот так похож на шуршание тяжелых частых волн о песок или гальку.

Девушка молчит, задумавшись. Море и остроносые сапожки соединяются в единый витраж. Стеклышки его переливаются, а он все ширится, становится выпуклей, объемнее. Вот, сапожки превращаются в зеленоватые точки, едва заметные на темной ниточке горизонта... А теперь – это два деревянных кораблика с резными буквами и тонкими лиловыми парусами... И что-то движется, что-то баюкает, качая, и робко напевает какой-то знакомый родной мотив.

А где-то, над серо-голубой беспокойной гладью, так же зажглись звезды. А ветхие ущелья и крутые горы совсем недавно обрастали крепкими, цвета невероятной нежности растениями. Они были так похожи на те, которые сейчас вышивает Янина.

Звезды падают, и в каждой читается одно лишь заклинание-слово: «всегда»...

Девушка помогает Янине подняться. Лавочка пустеет, но остается на том же самом месте, что и много-много лет назад. И, возможно, простоит еще долго. Сапожки-кораблики уже уплыли, их унесли покатые, ребристые волны туда, куда обычно уходят воспоминания. Но скоро родятся первые пионы, загорелые морщинистые руки передадут их почти детским белым ладоням, а море будет баюкать: всегда, всегда, всегда...

Лина Петухова

1992 г.р.

Студентка филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

ВЕЧНОСТЬ

Город уснул. Эта была обычная, ничем не примечательная ночь, которой предстояло стать роковой для нескольких тысяч людей.

Первое, что изменилось, – это восход солнца. Его свет стал неживым, излишне ярким и обжигающим, будто проходил сквозь гигантское увеличительное стекло. Семья, жившая на окраине города, как обычно, проснулась с первыми лучами рассвета. Детям надо было собираться в школу, отцу – на работу. Мать, встав с кровати, подошла к окну и, внезапно вскрикнув, отпрянула от него. Подбежал муж и, выглянув на улицу, увидел, что их лужайка разделена прозрачной стеной, которая уходит высоко вверх.

– Звони в полицию, – сказал он жене почему-то шепотом.

– Нет связи, – так же тихо ответила она побелевшими губами.

Солнце поднималось выше.

В городе началась паника, которая постепенно перерастала в ужас и хаос. Кто-то пытался пробить прозрачную стену, кто-то злился и кричал, кто-то сидел и смотрел перед собой остекленевшими глазами.

Один старик, мастер по изготовлению игрушек, сидел в своем доме перед верстаком и держал на коленях внука. Родители мальчика заперлись в гараже, откуда доносился непрерывный вой матери.

– Дед, – спросил внук, – а ты делал когда-нибудь новогодние снежные шары с городами?

Старик, нахмурившись, привстал и достал с полки стеклянный шар на подставке. Внутри был маленький домик и пара деревьев. В жидкости, наполнявшей шар, кружилась кокосовая стружка. Этой игрушке было много лет. Она напоминала деду о вечности, ведь то, что внутри, уже никогда не изменится.

– И мы сейчас как будто в этом домике! – радостно воскликнул мальчик и схватил шар.

Вдали послышался гул, как от тяжелого удара. Ребенок поднес шар к лампе.

– А зачем делают такие шары?

– Чтобы отделить и сохранить что-то навсегда, – медленно произнес старик.

Внезапно их дом содрогнулся. Раз, и еще раз. Потом трясло, не переставая, очень долго. Когда все стихло, люди вышли на улицы. Вокруг них была пустота, непроглядная, черная, тревожная. Откуда-то сверху лился холодный, мертвый свет...

– Я всех спас! – гордо сказал мальчик, глядя на маленькую игрушку, стоящую под лампой. Внутри шара был миниатюрный город, который он недавно накрыл полусферой и надежно склеил.

– Теперь вам там будет хорошо. Вы – вечны.

Мальчик горд собой. Это была его первая игрушка. Он выключил свет.

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Шиман	
<i>Филологическому факультету посвящается</i>	3
Елена Крикливец	
<i>Рождение Слова</i>	4
ПОЭЗИЯ	6
Ольга Андреевна	
«Дождь проиграет осенний сонет...»	7
«За спиной говорили: «Сильная...»	8
«Я синее небо в руки...»	8
«Что-то, милый, мне не верится...»	9
«По костям, по слезам, по трупам...»	9
Яна Богатырева	
«Тяжело мне тебя любить...»	10
Евгения Букотина	
Баян и гармошка	10
Туман	11
Дарья Гуцалюк	
«В этом злом и холодном зеркале...»	12
Анастасия Жлуктенко	
«Ты только скажи...»	12
«Первым холодом щиплет руки...»	14
Виктория Зайцева	
Ты вернешься	14
Летнее утро	15
Мой город	15
Маме	16
Юлия Золотая	
«А мне казалось, я тебя нашла...»	16
«Запомни меня такой...»	17
«Прощальное письмо мне напиши...»	17
«Прости мне все, моя святая Родина...»	17
«К Евфросинии на поклон...»	18
«Укроюсь от печали в листопад...»	18
«Спелые гроздья рябины озябли от ветра...»	18
Анастасия Кастьянка	
«Звезд прекрасных вереница...»	19
Сон в дороге	19
«Остыли жемчужные звезды...»	20
«Ты взялся вдруг из ниоткуда...»	21
«Нет, не забыла...»	21

Елена Крикливец	
«Малыш отпускает воздушный шарик...»	22
«Эту возможность – когда позовут...»	23
«Заалеет закат...»	23
«Запыленное небо развесило тряпки...»	24
«Между тучами – краюшки неба синего...»	24
«В этом доме не спали, боясь немоты...»	24
«Тополь, подпирая небосвод...»	25
«Здесь не «бьется Нева о холодный гранит...»	25
«Им суждено, переступив порог...»	26
«Заболает душа...»	26
«Прошедший век с просевшим домом...»	27
«Ну, вот он на холсте...»	27
«По лужам бежит ветерок торопливый...»	28
Владислав Масленников	
«Мне б тебя забыть...»	28
Ольга Никитенко	
Кораблик	29
Янина Пакетова	
«Уехать бы прямо сейчас...»	30
Я говорю	30
Анастасия Печенькова	
«Открой же дверь, не стой...»	33
Оксана Пугачева	
«Я хочу любить...»	33
Елена Щербинина	
Друзьям	34
Светлана Якименко	
Солнечный зайчик	35
Поэт	35
ПРОЗА	36
Анастасия Береза	
Этой ночью со мной был ты	37
Юлия Жук	
Жизнь не стоит на месте	38
Янина Пакетова	
Дедушка	39
Коробка из картона	40
Персеиды приходят в канун осени	40
Лина Петухова	
Вечность	42

Учебное издание

ПРИДВИНСКИЕ ЗОРИ

Составитель

КРИКЛИВЕЦ Елена Владимировна

Технический редактор *Г.В. Разбоева*

Компьютерный дизайн *Л.Р. Жигунова*

Подписано в печать 2013. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,67. Уч.-изд. л. 1,37. Тираж 50 экз. Заказ

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

ЛИ № 02330/110 от 30.01.2013.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.